

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С РЕГИОНАМИ СИБИРИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

А. Я. Троцковский^{1,2}, Ю. А. Перекаренкова¹, Л. В. Родионова¹, А. М. Сергиенко¹

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена характеристике предпосылок формирования и ограничений исследования интеграционных связей Алтайского края с регионами СФО. Изложены результаты исследования, ориентированного на разработку теоретико-методологических основ механизмов и движущих сил формирования интегрированного социально-экономического пространства Алтайского края с регионами СФО и оценку интеграционного потенциала края. Сделан вывод о необходимости систематизации и обобщения литературы по данной теме.

Раскрыты социально-экономические предпосылки формирования и активизации межрегиональных связей Алтайского края с регионами СФО. Обоснован вывод о недостаточном экономическом потенциале края для преодоления отставания от других регионов СФО по уровню социально-экономического развития и активизации межрегиональных связей. Заметный интеграционный потенциал присущ пищевой промышленности, хотя существует ряд препятствий его реализации. Значимым является влияние производства кокса, машин и оборудования на масштабы межрегиональной торговли. Дана оценка изменения доходов населения края на различных этапах экономики.

Рассмотрены ограничения исследования межрегионального движения товаров и населения, накладываемые спецификой статистического учета. Дана оценка последствий неадекватного отражения товарных и миграционных потоков на результаты исследования.

Ключевые слова: Алтайский край, межрегиональные взаимодействия, интеграционные процессы, межрегиональная торговля, миграция, доходы населения, валовой региональный продукт, ограничения исследования.

INTEGRATION RELATIONS OF ALTAI TERRITORY WITH THE SIBERIAN REGIONS: PREREQUISITES FOR FORMATION AND RESEARCH LIMITATIONS

A. Ya. Trotskovsky^{1,2}, Yu. A. Perekarenkova¹, L. V. Rodionova¹, A. M. Sergienko¹

¹Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the characterization of the prerequisites for formation and limitations of the study of the integration ties of the Altai Territory with the regions of the Siberian Federal District. The results of a study focused on the development of theoretical and methodological foundations of mechanisms and driving forces for formation of integrated socio-economic space of Altai Territory with the regions of the Siberian Federal District and an assessment of the integration potential of Altai Territory are presented. The conclusion is made about the need for systematization and generalization of literature on this topic.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

The conclusion about the insufficient economic potential of Altai Territory to overcome a lag behind other regions of the SFD in terms of socio-economic development and to activate of interregional ties is substantiated. A noticeable integration potential is inherent in the food industry, although there are a number of obstacles for its implementation. The influence of coke production, machinery and equipment on the interregional trade scale is significant. The estimation of changes in the population incomes of Altai Territory at various stages of the economy is given.

The limitations of the research of the interregional movement of goods and population imposed by specifics of statistical accounting are considered. An assessment of consequences of inadequate reflection of commodity and migration flows on the study results is given.

Keywords: Altai Territory, interregional interactions, integration processes, interregional trade, migration, population income, gross regional product, research limitations.

Постановка проблемы. Оценка социально-экономического кризиса в России в 2020–2021 гг., его истоки и специфика, возможные тенденции развития экономической ситуации остаются в центре внимания экономической науки. Несмотря на различия во взглядах ведущих экономистов на обозначенные выше явления и процессы, общим для многих экспертов является не только констатация негативного влияния на экономику пандемии коронавируса, но и поиск более глубоких корней кризиса, обусловленных незавершенностью структурной перестройки [1] и сложностью преодоления последствий шестилетней стагнации 2014–2019 гг. [2].

Ученые, анализируя ключевые вызовы, стоящие перед экономикой России, антикризисную программу Правительства и федеральный бюджет на 2021 г., предлагают различные пути совершенствования экономической политики современной России. Так, к примеру, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ В. А. Мау акцентирует свое внимание на усилении этатизма и популизма, нарастании социальной и политической поляризации, повышении роли национальной повестки по отношению к глобальной, необходимости усиления внимания к вопросам национальной безопасности [3].

Академик А. Г. Аганбегян делает ставку на технологический прорыв и подъем показателей экономической эффективности и необходимость в этих целях проведения структурных реформ собственности, финансовой системы, регионального управления, осуществления «финансового форсажа» инвестиций в основной и человеческий капитал, жилищное строительство и подъем внешней торговли [4].

В предложениях экспертов Вольного экономического общества России по восстановлению экономики отмечена необходимость увеличить в 2021 г. объем финансирования антикризисных мероприятий правительства и поддерживать его

на этом уровне в 2022–2023 гг., актуальность проведения структурных реформ, восстановления доходов и потребления населения [2].

В статье М. В. Ершова предложено создавать условия для поддержания бизнеса, социальной стабильности в обществе и благополучия населения с помощью разработки и применения комплекса мер бюджетной, денежно-кредитной и валютной политики [5]. Детальное и разностороннее рассмотрение макроэкономических факторов, их влияния на экономическое и социальное развитие в условиях постковидного восстановления российской экономики представлено участниками круглого стола «Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики» [6].

В работах В. В. Кулешова, В. А. Крюкова и других сибирских ученых-регионоведов акцент сделан на формировании эффективного межрегионального и межмуниципального взаимодействия с целью получения синергетического эффекта. При этом ключевая проблема развития Сибири, на взгляд авторов, состоит в формировании сбалансированных (с учетом пространственных особенностей) цепочек как создания стоимости, так и «обратного» распределения полученных эффектов [7, 8].

Необходимость активизации межрегиональных взаимодействий как значимого рычага подъема российской экономики нашла понимание и поддержку не только в широких научных кругах, но и в государственных органах власти.

В научных публикациях по этой тематике высказываются различные точки зрения на процессы формирования интегрированного межрегионального пространства. Доминирует точка зрения, что для России и, в частности, для Сибири характерно усиление процессов пространственной фрагментации. Вместе с тем имеющиеся в науке примеры эмпирической верификации данного положения не охватывают всего круга межрегиональных связей и поэтому не всегда убедительны.

Актуальность исследования определяется необходимостью обеспечить сохранение и упрочение единства экономического пространства страны, способствовать усилению устойчивости ее экономического развития, последовательному достижению задач выравнивания уровня развития регионов и росту благосостояния населения.

Цель исследования в самом общем виде заключается в разработке теоретико-методологических основ анализа механизмов и движущих сил формирования интегрированного социально-экономического пространства Алтайского края и регионов СФО и на этой основе оценке интеграционного потенциала Алтайского края, его роли и места в этом процессе.

Эмпирическим объектом исследования является Алтайский край. В качестве предмета исследования выступают межрегиональные взаимодействия Алтайского края и регионов СФО как механизма, обеспечивающего формирование интегрированного экономического и социокультурного пространства макрорегиона.

Степень изученности проблемы. Исследование межрегиональных связей и взаимодействий, на наш взгляд, не получило в регионалистике столь широкого распространения как, к примеру, сравнительный анализ развития территориальных социально-экономических систем, обеспечения конкурентоспособности регионов и их устойчивого развития, вопросы регионального стратегирования, международного экономического сотрудничества и ряда других научных направлений¹. По-видимому, основной причиной этого наряду с широким кругом явлений и процессов, охватываемых понятием «межрегиональные взаимодействия», является сравнительно слабая информационная обеспеченность, за исключением межрегиональной миграции населения России и в определенной мере — межрегиональной торговли.

Преодоление ограниченности информации по рассматриваемой проблеме требует создания авторского инструментария и проведения отдельных исследований, что, как известно, с одной стороны, достаточно трудоемко и дорого, а с другой — подвержено быстрому устареванию результатов с силу высокой мобильности экономической ситуации.

Тем не менее проведенный нами анализ научной литературы, изданной за последнее десятилетие, не позволяет говорить о недостаточном внимании российской науки к исследованию межрегиональных взаимодействий и их принадлежности к периферии научных региональных ис-

следований. Об этом свидетельствуют не только многочисленные статьи по рассматриваемой теме, но и имеющиеся монографии [9–14].

В указанных монографиях изложены теоретико-методологические аспекты исследования межрегиональных взаимодействий, определения интеграционных возможностей региона, проанализированы факторы межрегиональной интеграции. Особое внимание уделено исследованию кластеров и других сетевых форм пространственной организации производства. Ключевое место в монографиях занимает раздел по совершенствованию государственного управления этим процессом.

Что касается многочисленных статей по рассматриваемой тематике, то следует отметить географическую широту работ и их разнообразие в части направленности исследований — от оценки условий, уровня и перспектив межрегиональной интеграции до анализа ключевых факторов-детерминант [15–21].

С нашей точки зрения наработанный российской наукой материал как в теоретико-методологическом, так и в эмпирическом плане требует обобщения и систематизации, начиная от используемого понятийного аппарата и заканчивая содержательными результатами. Заметим в связи со сказанным, что отдельные попытки систематизации подходов к обоснованию роли межрегионального взаимодействия в развитии региональных социально-экономических систем, используемых понятий, типов межрегиональных отношений и их ключевых факторов, видов межрегионального взаимодействия и критериев их оценки уже имеются [12, с. 45–61].

Предпосылки формирования и активизации межрегиональных связей Алтайского края. Развитие интеграционных связей между регионами предполагает наличие соответствующих экономических предпосылок или возможностей для их создания в каждом из интегрируемых регионов с целью производства нового продукта. Очевидно, данный подход содержит в себе предположение, согласно которому интегрируемые регионы должны обладать близким экономическим потенциалом, схожим уровнем социально-экономического развития, родственными либо взаимодополняющими отраслями, выступающими объективной основой для создания успешного альянса.

Рассматривая Алтайский край с этих позиций, важно оценить его накопленный потенциал за предыдущий период экономического развития, сформированный за счет преобладающих отраслей специализации. Такой подход позволит, с одной стороны, выявить имеющиеся предпосылки для формирования новых интеграционных свя-

¹ Детальный анализ ключевых направлений пространственного развития России дан в статье одного из авторов, опубликованной в настоящем журнале в прошлом году [9].

зей между регионами с позиции потенциальных возможностей для развития в Алтайском крае, а с другой — определить сложившиеся ограничения для межрегиональных экономических взаимодействий с позиции сложившихся отраслей специализации.

Проведенный анализ валового регионального продукта Алтайского края в сравнении с аналогичным показателем по регионам СФО показал, что в 1996 г. край превосходил республики Алтай, Тыву, Хакасию и Томскую область. Отставание от лидера по объему произведенного ВРП из си-

бирских регионов (Красноярского края) составляло 2,7 раза².

Сложившаяся динамика темпов экономического роста в Алтайском крае в последующие годы сформировала и укрепила тенденцию его отставания от большинства регионов СФО. Так, среднегодовые темпы роста ВРП Алтайского края на протяжении 1996–2019 гг. оставались ниже темпов роста крупнейших регионов СФО — Красноярского края, а также Новосибирской и Омской областей (рис. 1).

² Регионы России / Госкомстат России. Т. 2. М., 2001. С. 294.

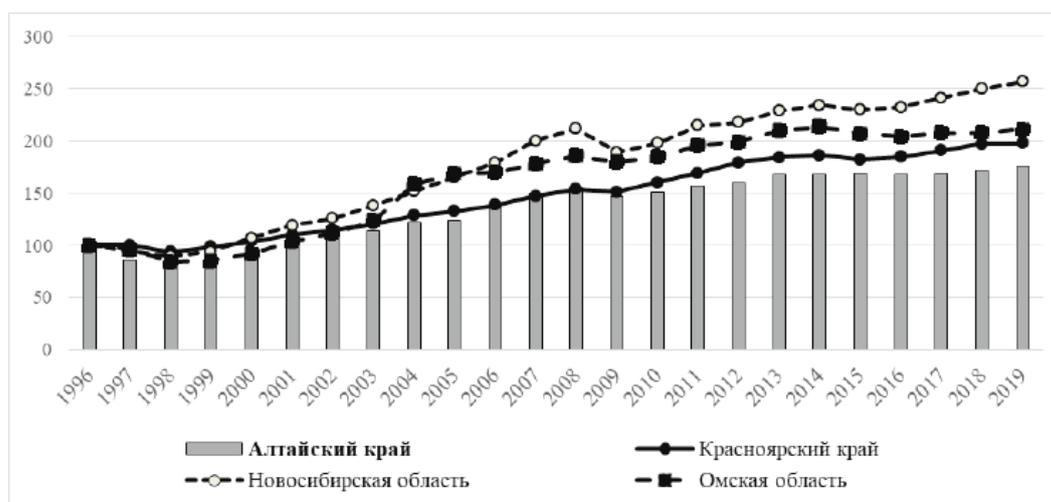


Рис. 1. Динамика индексов физического объема ВРП отдельных регионов СФО, % (1996 г. = 100%)

Источник: данные Росстата, расчеты авторов

В результате в анализируемые годы удельный вес Алтайского края в производимом валовом продукте СФО, инвестициях в основной капитал, объеме производимой продукции в сфере промышленного производства сократился. Отлич-

ительной особенностью в этот период стало увеличение доли производимой продукции сельского хозяйства в Алтайском крае в СФО с 18,85% в 1990 г. до 24,25% в 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес Алтайского края в основных показателях социально-экономического развития СФО, %

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Численность постоянного населения в среднем за год	12,5	12,9	13,0	12,9	12,6	12,3	13,5
Валовой региональный продукт	н/д	7,05	7,10	6,95	7,33	7,15	6,87 ³
Объем промышленной продукции	11,0	6,39	5,55	5,48	5,72	5,12	5,33
Производство сельского хозяйства	18,85 ⁴	16,03	19,43	19,32	21,50	22,47	24,25
Инвестиции в основной капитал	9,95	7,40	7,20	6,03	6,27	6,64	6,36

Примечания. 1. Расчет ВРП ведется с 1994 г. 2. С 2005 г. — объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». В 2019 г. при расчете объема промышленной продукции использованы данные объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха», «Водоснабжение, водоотведение, организаций сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации за-

грязнений». 3. Данные по ВРП приведены за 2019 г. 4. Продукция сельского хозяйства приведена за 1991 г. Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в целом Алтайский край на сегодняшний день не обладает достаточным экономическим потенциалом, позволяющим ему за счет созданных внутренних источников роста преодолеть накопленное за предыдущие годы отставание по производству валового продукта от обозначенных сибирских регионов и радикально активизировать межрегиональные связи.

Исследование отраслевой структуры формирования валовой добавленной стоимости (ВДС) в Алтайском крае в сравнении с остальными регионами СФО как фактора, предопределяющего характер межрегиональных взаимодействий, позволило выделить здесь значительный удельный вес сельского хозяйства — 12,7% в 2019 г. В Республике Алтай доля сельского хозяйства составляла 10,2%, в остальных регионах удельный вес данной отрасли составлял менее 8%. Наибольший удельный вес

в структуре ВРП этих регионов формируется за счет развитой добывающей промышленности (около четверти — в Красноярском крае, Иркутской, Кемеровской и Томской областях).

Значительный удельный вес обрабатывающих производств (более 1/3) предопределил экономическое развитие и межрегиональные связи в Красноярском крае и Омской области — 36,3 и 33,2% соответственно. В структуре отгруженной продукции обрабатывающих производств данных регионов наибольший удельный вес (более 70%) формируется за счет металлургического производства в Красноярском крае, и за счет производства нефтепродуктов — в Омской области (табл. 2). Удельный вес обрабатывающих производств в ВДС Алтайского края в два раза ниже, чем в Красноярском крае и Омской области. По вкладу данной отрасли в формирование валового продукта Алтайский край из всех регионов СФО сравним с Республикой Хакасия.

Таблица 2

Структура объема отгруженной продукции в сфере обрабатывающих производств в регионах СФО в 2020 г., %

Вид обрабатывающих производств	СФО	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская область	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Производство пищевых продуктов	12,8	46,2	32,2	10,7	42,3	3,9	9,1	8,4	29,6	11,2	20,3
Производство текстильных изделий	0,5	0,4	39,4	0,1	1,8	0,1	0,2	0,3	1,8	0,2	0,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,9	1,3	1,5	0,2	2,8	2,4	12,1	0,3	1,6	0,1	8,6
Производство бумаги и бумажных изделий	2,1	0,7	3,3	0,1	1,5	0,1	12,2	0,2	3,5	0,6	2,8
Производство кокса и нефтепродуктов	19,2	3,8	-	0,8	17,8	2,3	6,8	20,8	6,5	70,7	18,2
Производство химических веществ и хим. продуктов	6,9	2,2	...	1,5	6,4	3,0	13,8	11,6	7,7	6,0	14,2
Производство прочей неметаллической продукции мин. продукции	3,1	7,9	15,7	1,0	2,6	1,7	3,7	3,6	10,3	0,9	2,5
Производство металлургическое	40,4	22,0	...	68,3	9,4	79,2	23,8	44,8	16,0	3,2	8,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	3,2	-	-	5,3	2,0	0,8	2,3	0,8	10,0	2,7	17,6
Производство машин и оборудования	5,0	-	-	1,8	11,6	2,6	11,9	4,3	7,6	2,4	2,6
Производство мебели	0,6	0,1	4,1	0,1	0,6	0,5	0,4	0,2	2,0	0,2	0,9
Ремонт и монтаж машин и оборудования	3,3	15,4	3,8	10,1	1,2	3,4	3,7	4,7	3,4	1,8	3,9

Источник: данные Росстата.

Исходя из структуры валового продукта, Алтайский край остается аграрно-промышленным регионом, что видно, с одной стороны, по удельному весу сельского хозяйства в структуре отраслей региона, а с другой — определяется спецификой производимой продукции за счет сосредоточенных в регионе обрабатывающих производств. Имеющаяся развитая пищевая промышленность (более 40%) вместе с сельским хозяйством создают экономические предпосылки для развития региона и его интеграции в социально-экономическое пространство Сибири. Однако на этом пути есть серьезные препятствия, в числе которых значительные объемы вывозимого за пределы края сельскохозяйственного сырья, относительно низкая добавленная стоимость производимой продукции, высокая конкуренция на продовольственных рынках и т. д. В свою очередь, имеющееся производство кокса и нефтепродуктов (17,8%), а также производство машин и оборудования (11,6%) вносят не столь большой вклад в формируемый ВРП по сравнению с пищевой промышленностью, но их роль в межрегиональной торговле достаточно заметна.

Исходя из рассмотренной динамики ВРП, его структуры в Алтайском крае, определяемой сложившимися отраслями специализации, можно сказать, что аграрно-промышленный потенциал региона является преимуществом, позволяющим ему быть востребованным в условиях проводимой политики импортозамещения, а также обеспечения других регионов продовольствием.

В то же время сложившаяся структура отраслей в Алтайском крае выступает ограничивающим фак-

тором развития интеграционных связей с другими регионами СФО. Различная отраслевая специализация сибирских регионов не позволяет создавать совместные крупномасштабные производства обрабатывающей промышленности, способные выступать драйвером развития региона. В этом смысле возможным выходом с позиции формирования интегрированных межрегиональных объединений является совместный поиск перспективных направлений развития, опирающихся на имеющийся в регионах экономический потенциал. Основой поиска интеграционных связей между регионами должны стать преобладающие в структуре ВДС взаимодополняющие отрасли и подотрасли.

На сегодняшний день, помимо сельского хозяйства и обрабатывающих производств, значительный вклад (порядка 25%) в ВДС Алтайского края вносит сфера движения торгового капитала и финансового капитала в сфере недвижимости.

Другой важной предпосылкой формирования межрегиональных экономических связей являются доходы населения [22–23]. Значимо более высокие доходы населения региона на фоне страны, других регионов могут стать драйвером притяжения капитала, инвестиций, рабочей силы из других регионов, развития межрегиональных связей, а существенно более низкие — ограничителем такого развития. Усиление же межрегиональной интеграции воздействует на межрегиональную дифференциацию по доходам населения, изменение позиций регионов по данному показателю, хотя вектор этого воздействия уже не столь однозначен.



Рис. 2. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 1993–2020 гг.

Источник: данные Росстата

Трансформационные процессы в экономике России за три последних десятилетия оказали значительное влияние на межрегиональную дифференциацию по доходам населения, наблюдались значимые изменения в позиции Алтайского края по данному показателю на фоне Сибирского федерального округа СФО и России в целом. В благоприятные периоды экономического развития, проявляющиеся отчасти в наращивании межрегиональных торговых и бизнес-связей, наблюдался не только рост межрегиональной дифференциации по доходам населения, но и подтягивание к среднему уровню таких отстающих регионов, как Алтайский край. Так, в период экономического роста 2000–2007 гг. межрегиональные различия по доходам населения в СФО выросли до 2,18 раза, значительно сократилось отставание края от регионов СФО (до 22,4%), наблюдалось более значительное уве-

личение покупательной способности доходов населения в сравнении с Россией и СФО (рис. 2) [24].

Напротив, кризисные периоды в экономике, отражающиеся на ослаблении торговых и бизнес-связей, уменьшении объемов ввоза и вывоза товаров и капитала из регионов СФО, приводили и к сокращению межрегиональной дифференциации населения по доходам [24–25]. В такие годы более значительные потери в доходах населения, их покупательной способности чаще всего несла экономически «слабая часть» сибирских регионов, в том числе Алтайский край — таблица 3 [25]. Вместе с тем именно в кризисные периоды последних двух десятилетий все более существенное нейтрализующее воздействие оказывала государственная антикризисная политика поддержки экономики и социальной сферы, способствующая сокращению межрегиональных различий по доходам населения СФО.

Таблица 3

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в целом по России и регионам СФО в 2013–2020 гг., %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Российская Федерация	351,6	340,5	311,9	314,1	316,2	323,4	324,5	315,4
Республика Алтай	213,9	214,4	189,4	188,0	191,9	203,6	200,1	199,7
Республика Тыва	172,7	164,6	158,8	149,4	154,8	156,8	157,4	159,7
Республика Хакасия	235,2	222,8	210,6	214,3	218,0	219,6	208,0	202,3
Алтайский край	242,1	246,4	237,1	239,3	242,9	243,7	240,2	232,1
Красноярский край	298,1	271,4	250,5	253,7	253,9	257,8	254,4	248,7
Иркутская область	266,6	235,8	219,0	224,2	234,1	233,3	230,1	223,2
Кемеровская область	283,0	266,3	248,2	238,8	240,1	249,7	247,2	239,2
Новосибирская область	299,8	269,5	245,0	257,4	257,8	267,8	269,0	261,9
Омская область	322,7	326,7	295,9	286,2	278,3	278,8	272,4	264,0
Томская область	294,6	282,7	253,6	244,4	248,4	250,3	247,5	240,7

Источник: данные Росстата.

Кризисные явления в условиях пандемии 2020 г. не явились исключением: межрегиональные различия по доходам сократились, усилилось отставание региона от среднесибирского и среднероссийского уровней. Несмотря на «нейтрализующее» воздействие государственной политики стимулирования агропромышленной сферы, поддержки бизнеса и населения, в том числе путем прямых денежных выплат семьям с детьми, среднедушевые доходы населения Алтайского края впервые за последние более чем двадцать лет сократились в номинальном выражении в отличие от продолжающегося роста доходов россиян, покупательная способность доходов жителей региона упала почти на 8 п. п.

Итак, несмотря на более высокие темпы восстановительных процессов в межкризисные пе-

риоды и позитивное влияние социально-экономической политики, в настоящее время сохраняется значительное отставание Алтайского края от средней по России и СФО по среднедушевым доходам населения (на 33,8% и 14,7% в 2020 г.). Край занимает шестую позицию по покупательной способности доходов населения среди десяти регионов СФО и 69-е из 85 мест в России (отставание почти на треть от среднего значения по стране) — таблица 3. Самая низкая среднемесячная начисленная заработная плата в крае в сравнении с СФО (в 1,5 раза ниже среднего уровня в 2020 г.) и одна из последних — в стране (в 1,7 раза ниже среднего уровня) стабильно формирует дополнительный риск для развития межрегиональных экономических связей в СФО и стране в целом. Значительной остается разница в уровне бедности, рассчитанном

как доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума: в 1,4 раза выше среднего по России в 2020 г.

Как следствие, сравнительно низкие среднедушевые доходы населения Алтайского края, определяющие невысокую покупательную способность и формирующие низкий потребительский спрос и даже значительный уровень недопотребления товаров и услуг в кризисные периоды, представляют собой реальную хроническую угрозу полноценному развитию экономики, являются сдерживающим фактором развития межрегиональных экономических связей края с регионами СФО и России в целом. Негативными последствиями низких доходов и покупательной способности населения края, высокого уровня бедности для его экономики и интеграционных связей с регионами СФО является, в частности, высокий миграционный отток экономической активной части жителей, особенно молодежи [26].

Ограничения исследования. В этой части статьи мы обратимся к тематике, крайне редко, на наш взгляд, отражаемой в научных публикациях регионоведов. Речь пойдет об ограничениях, с которыми сталкивается практически каждый исследователь, пытаясь адекватно отразить и глубоко проанализировать исследуемые явления и процессы регионального развития.

Между тем констатация ограничений исследования позволяет прежде всего оценить надежность и достоверность полученных результатов. С этих позиций четко сформулированные и скрупулезно прописанные ограничения «экономического» исследования играют не меньшую роль, чем, например, обоснование выборки в социологической работе.

Однако есть и другая, не менее, а может быть, и более важная сторона — с точки зрения развития научного познания в исследуемой области. Ограничения исследования, образно говоря, играют роль светофора, сигнализирующего исследователям, желающим продолжить либо углубить работу в этом направлении, нет ли непреодолимых заторов на намеченном ими пути и какова вероятность получения ожидаемых результатов.

Чтобы не быть голословными, приведем конкретный пример из собственной практики. Одной из целей проводимого нами исследования был поиск ответа на вопрос об усилении (ослаблении) торгово-экономических связей Алтайского края с регионами СФО в различных фазах экономического цикла (рост, стагнация, рецессия, оживление). Естественно, это требовало анализа межрегиональных торгово-экономических связей края на протяжении достаточно длительного времени (порядка 30 лет) и главное, — обеспечения сопо-

ставимости информации для получения корректных выводов.

В одной из монографий, излагающей результаты исследований подобного рода, подробного описания методики не было, а изложение содержательных результатов (построение и анализ динамического ряда объемов межрегиональной торговли одного из субъектов Российской Федерации за сравнительно длительный период в стоимостной и, главное, сопоставимой оценке) [11, с. 44] дезориентировало и породило ложные иллюзии о возможности получения нами аналогичных результатов.

Вышесказанное позволяет нам утверждать: ограничения исследования и, что даже более интересно, апробированные исследователями способы их «обхода» и решения — важная часть исследовательской работы, без понимания которой изучение содержательных результатов теряет в значительной мере свой смысл, способствует их фальсификации и, в конечном счете, дискредитирует науку¹.

Рассмотрим далее вкратце основные ограничения исследования межрегионального движения товаров и населения в период с 1990 по 2020 г.²

Информационной базой изучения межрегиональной торговли является статистическая отчетность предприятий по форме № 1 — вывоз «Сведения о вывозе продукции (товаров)», данные Федеральной службы государственной статистики, а также территориальных органов статистики республик, краев, областей Сибирского федерального округа. В частности, детализированная информация об объемах продажи (вывоза, ввоза) потребителям края продукции в разрезе регионов и ее видов взята из бюллетеня Алтайкрайстата «Ввоз и вывоз потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения» за соответствующий год.

Ранее уже упоминалось, что принятая методика статистического наблюдения за межрегиональной торговлей не позволяет корректно отследить динамику процесса за длительный период по трем причинам. Первая из них связана с постоянным изменением методики статистического наблюдения. В частности, только за последние годы она изменялась трижды.

Изменения носили не поверхностный, а существенный характер, как, например, пересмотр

¹ Ограничения исследования по своей природе различны. Цель настоящей статьи не заключается в их классификации. Затем, однако, что изречение «статистика знает все» является большим преувеличением, особенно в периоды кардинальных сдвигов в экономике.

² Более подробно имеющиеся ограничения исследования межрегиональной торговли изложены нами в сборнике [27].

номенклатуры наблюдаемых видов продукции или другая ее классификация. В исследуемом периоде изменялись и подходы к оценке торговых потоков: в 1990–2000 гг. учитывалось движение товаров, попавших под наблюдение, только в натуральном выражении; в 2001–2016 гг. дополнительно был введен показатель стоимостной оценки продукции (в действующих ценах); с 2017 г. по настоящее время — учет вывозимых и ввозимых в регион продукции и товаров в натуральном выражении.

Вторая группа причин связана с использованием выборочного метода наблюдения за межрегиональной торговлей. Прежде всего, это касается включения в выборку ограниченного круга продукции (от 100 до 240 видов в различные годы), в силу чего динамика объема ввоза и вывоза по полному кругу товаров не совпадает с оценкой по наблюдаемой номенклатуре. В частности, в Алтайском крае высокая доля охваченных наблюдением товаров пищевой и перерабатывающей промышленности позволяет говорить о более-менее корректной оценке объемов вывоза продовольственных товаров.

Что же касается сельхозпродукции, не прошедшей промышленную переработку (зерно, картофель, овощи, бахчевые культуры, яйца), то они учитываются статистикой в балансах сельхозпродукции и не отражаются в объемах межрегиональной торговли. Для аграрных и агропромышленных регионов России такая методика приводит к существенному искажению информации об объемах поставки товаров в другие регионы.

Далее, методикой статистического наблюдения предусмотрено обследование крупных, средних и малых предприятий. В обследовании остались не охваченными микропредприятия и индивидуальные предприниматели, занимающие на рынке определенных видов продукции весомую долю. Не предусмотрен методикой и учет продукции, перемещаемой между подразделениями одного юридического лица, что приводит к неполноте информации.

Наконец, третья группа причин носит особый характер и фактически не поддается учету. Речь идет о продукции, произведенной в другом регионе и поставленной в край не для внутрирегионального потребления, а для перепродажи в другие регионы.

Таким образом, ряд выводов исследования в силу ограничений, связанных с особенностями статистического наблюдения за межрегиональной торговлей, не отражают в полной мере реальную действительность и должны интерпретироваться как результаты, полученные «в первом приближении».

Названные выше ограничения (их список можно было бы продолжить) заметно сокращают возможности исследования и достоверность полученных выводов. Очевидно, все они — следствие того, что существующая статистика изначально не была сориентирована на решение поставленных нами исследовательских задач. Она в определенных пределах позволяет решать другие задачи: во-первых, определить значимость края, его предприятий, рынков сбыта своей продукции в регионах России; во-вторых, оценить широту географии и масштаб поставок алтайской продукции на рынки России; в-третьих, оценить степень конкуренции на отдельных товарных рынках края.

Информационным основанием исследования межрегиональных миграционных связей стали данные статистического учета прибывших и выехавших на основе регистрации или снятия с регистрационного учета населения по месту жительства или месту пребывания в 1990–2020 гг. и результаты социологических опросов населения и экспертов по проблемам межтерриториальной мобильности населения.

Официальная статистика не совсем адекватно отражает реальные миграционные процессы, в одних случаях количество учтенных миграционных событий необоснованно завышается, в других — занижается. Формирование более достоверного представления о численности мигрантов, их составе, динамике, направлениях движения ограничивается особенностями миграционного учета на разных этапах развития, частыми изменениями методики их учета, изменением миграционного законодательства и усилением миграционного контроля, а также поведением самих мигрантов, которые довольно часто в силу различных причин не регистрируются.

Остановимся на тех изменениях в учете мигрантов, которые оказали наиболее существенное влияние на их объем и динамику, отображаемых в статистике. В советский период текущий учет мигрантов был более полный, он осуществлялся органами внутренних дел при оформлении прописки. Информация, полученная на основе листов прибытия и выбытия, передавалась в органы статистики, где на основе сопоставления данных по отдельным территориям корректировалась и принимала официальный статус. В 1995 г. произошла замена института прописки, на котором базировался миграционный учет, на институт регистрации по месту жительства и месту пребывания. В результате этих нововведений на практике учет временных внутренних мигрантов по месту пребывания в статистической отчетности практически прекратился. Это почти сразу же отразилось на официальной миграционной статистике и стало одной из причин

сокращения количества учитываемых мигрантов. О недооценке реальных объемов миграции в последующий период свидетельствуют и данные переписей населения 2002 и 2010 гг. Численность, состав, движение и размещение населения по их данным существенно отличались от данных текущего статистического учета [28].

В связи с накопившимися отклонениями между реальными и регистрируемыми миграциями и в соответствии с рекомендациями ООН от 1998 г. в статистике долговременной миграции в 2011 г. стали учитывать не только мигрантов, зарегистрированных по месту жительства, но и по месту пребывания на срок 9 и более месяцев. Это резко увеличило количество учтенных международных и внутренних мигрантов. По оценкам ученых-демографов за 2011–2012 гг. объем внутренних мигрантов увеличился в 2 раза [29, с. 84]. Но здесь возникли новые проблемы. По окончании срока регистрации по месту пребывания мигрант считается выбывшим к месту постоянной регистрации, что отражается в текущем статистическом учете. Но в действительности он может: никуда не выезжать и оформить новую регистрацию в том же населенном пункте (в этом случае в статистике отражается повторное выбытие и прибытие); оформить новую регистрацию в другом поселении, сразу выехав туда (здесь фиксируется повторное фиктивное выбытие к постоянному месту жительства); остаться и не оформлять регистрацию (в статистике также учитывается несостоявшееся выбытие). Кроме того, мигрант может многократно регистрироваться на более короткий срок (менее 9 месяцев) и не фиксироваться в статистике или вовсе не регистрироваться [30].

В результате всех этих погрешностей в учете миграционных событий, по мнению отдельных

исследователей, объемы учтенных фиктивных и не учтенных статистикой реальных мигрантов могут уравнивать друг друга [29, с. 94]. Итоги переписи 2021 г. позволят дать более точную количественную оценку миграции и скорректировать данные текущего учета.

Использование в ходе исследования миграционных связей данных социологических опросов населения и опросов экспертов дает возможность, с одной стороны, повысить надежность и достоверность достигнутых результатов, а с другой, — получить новые знания о миграционных процессах и их механизмах, а также о влиянии миграции на формирование интегрированного социально-экономического пространства.

Вывод. Проведенный анализ ключевых предпосылок исследования межрегиональных связей Алтайского края с регионами Сибири свидетельствует в целом о том, что уровень и динамика его социально-экономического развития является фактором, детерминирующим возможности радикальной активизации пространственных взаимодействий края в части движения товаров, капитала и рабочей силы. Исследование торгово-экономических межрегиональных связей края и движения населения, ограниченное особенностями статистического учета, не позволяет в принципе в полной мере решить поставленные в исследовании задачи. Выявленные и систематизированные в статье ограничения со стороны статистики, заключающиеся в не совсем адекватном отражении реальных процессов, накладывают свой отпечаток на результаты анализа межрегиональных торговых связей и миграции населения, требуют корректировки в целях повышения их надежности и должны рассматриваться как результаты в «первом приближении».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Май В. А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-5-30.
2. Аганбегян А. Г., Порфирьев Б. Н., Широков А. А. О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. С. 193–213.
3. Май В. А. Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-3-5-27.
4. Аганбегян А. Г. Новые тренды в кризисной ситуации 2020–2021 гг. // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 2 (65). С. 5–19. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-2-5-19.
5. Ершов М. В. Мир 2021: сохраняется острота пандемических и экономических проблем // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 5–20. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-5-20.
6. Шохин А. Н., Акиндинова Н. В., Астров В. Ю., Гурвич Е. Т., Замулин О. А., Клепач А. Н., Май В. А., Орлова Н. В. Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики (по материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30.

7. Крюков В. А., Карпик А. П. Организационно-структурные и пространственные проблемы развития экономики Сибири // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы 2-й конференции ИМП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Россия, Новосибирская область, 23–24 марта 2020 г.). Новосибирск, 2020. С. 7–18.
8. Крюков В. А., Лавровский Б. Л., Селиверстов В. Е., Сулов В. И., Сулов Н. И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
9. Троцкий А. Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 3. С. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147.
10. Растворцева С. Н., Лебедев А. О. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции: монография. М., 2016. 213 с.
11. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда, 2016. 148 с.
12. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А., Малышев Д. П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона: монография. Псков, 2017. 118 с.
13. Экономическая интеграция территорий: теоретические и прикладные аспекты: монография / В. А. Бородин, Д. В. Бородин, И. А. Голощапова и др. Барнаул, 2016. 125 с.
14. Условия расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа): монография / И. Н. Санникова, Т. А. Рудакова, О. Ю. Рудакова, О. В. Кожевина, М. М. Бутакова, О. Н. Соколова, А. Ю. Юдинцев, Г. Н. Трошкина, С. И. Межов, И. Н. Дубина, А. Р. Махотина; под. ред. И. Н. Санниковой. Барнаул, 2020. 246 с.
15. Бородин В. А., Гагарина Г. Ю. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 76–91.
16. Гонтарь Н. В. Межрегиональная интеграция в России: институты и государственно-административное регулирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 3. С. 14–24. DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.3.2.
17. Батуева Т. Б. Межрегиональная кооперация на основе соконкуренции как фактор инновационного развития региона // Государственное и муниципальное управление: ученые записки. 2017. № 4. С. 80–84.
18. Горюнов А. П., Белоусова А. В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 81–89.
19. Яковлева Н. В., Ишунькина Е. А. Тенденции развития межрегионального сотрудничества Челябинской области в период 2010–2015 годов // Эколого-географические проблемы регионов России: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения кандидата географических наук, доцента, заведующего кафедрой геологии и географии, декана факультета естествознания Куйбышевского пединститута Т. А. Александровой. Самара, 2017. С. 320–327.
20. Тамова Б. А. Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2015. № 4 (170). С. 130–133.
21. Абдулманов С. Г. Межрегиональная экономическая интеграция: мировой опыт и перспективы развития на Северном Кавказе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2012. № 47. С. 127–132.
22. Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9 (519). С. 66–84.
23. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А., Бриллиантова В. В., Бондаренко К. А. Региональная динамика доходов и потребительского спроса населения в России // Пространственная экономика. 2018. № 3. С. 138–151.
24. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А. Я. Троцкого. Новосибирск, 2017. 423 с.
25. Сергиенко А. М. Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 239–246.
26. Миграция сельской молодежи: в фокусе Алтайский край / под ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2019. 325 с.
27. Троцкий А. Я., Супонина И. В., Быкова В. А. Возможности и ограничения исследования межрегиональной торговли как механизма пространственной интеграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации подготовка кадров: материалы VIII международного экономического форума. Барнаул, 2021. С. 239–243.

28. Чудиновских О. С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // Вопросы статистики. 2010. № 6. С. 8–16.
29. Мкртчян Н. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.
30. Чудиновских О. С. О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 г. по статистике миграции в российском контексте // Вопросы статистики. 2019. Т. 26, № 8. С. 61–76. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-8-61-76.

REFERENCES

1. Mau V. A. Coronavirus pandemic and economic policy trends // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 3. Pp. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-5-30.
2. Aganbegyan A. G., Porfiriev B. N., Shirov A. A. On overcoming the current crisis and ways of developing the Russian economy // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021. Vol. 227. Pp. 193–213.
3. Mau V. A. Economics and Politics 2019–2020: Global challenges and national responses // *Voprosy Ekonomiki*. 2020. No. 3. Pp. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-3-5-27.
4. Aganbegyan A. G. New trends in the crisis situation of 2020–2021 // *Economy of the North-West: problems and prospects of development*. 2021. No. 2 (65). Pp. 5–19. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-2-5-19
5. Ershov M. V. Mir 2021: the severity of pandemic and economic problems remains // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 12. Pp. 5–20. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-5-20
6. Shokhin A. N., Akindinova N. V., Astrov V. Yu., Gurvich E. T., Zamulin O. A., Klepach A. N., Mau V. A., Orlova N. V. Macroeconomic effects of the pandemic and prospects for economic recovery (Based on the materials of the round table within the framework of the XXII April International Scientific Conference of the Higher School of Economics) // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 7. Pp. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30.
7. Kryukov V. A., Karpik A. P. Organizational-structural and spatial problems of the development of the Siberian economy // *Economic Policy of Russia in the intersectoral and spatial dimension: materials of the 2nd Conference of INP RAS and IEPP SB RAS on intersectoral and regional analysis and forecasting (Russia, Novosibirsk region, March 23–24, 2020)*. Novosibirsk, 2020. Pp. 7–18.
8. Kryukov V. A., Lavrovsky B. L., Seliverstov V. E., Suslov V. I., Suslov N. I. Siberian vector of development: based on cooperation and interaction // *Studies on Russian Economic Development*. 2020. No. 5. Pp. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
9. Trotskovsky A. Ya. Spatial studies in the works of Russian regionalists: a narrative review // *Economics Profession Business*. 2021. No. 3. Pp. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147.
10. Solutseva S. N., Lebedev A. O. Development of methods for assessing factors and forms of interregional economic integration: monograph. M., 2016. 213 p.
11. Lukin E. V., Uskova T. V. Interregional economic cooperation: state, problems, prospects: monograph. Vologda, 2016. 148 p.
12. Makhotaeva M. Yu., Bakumenko O. A., Malyshev D. P. Interregional interaction as a tool for the development of strategic priorities of the region: monograph. Pskov, 2017. 118 p.
13. Economic integration of territories: theoretical and applied aspects: monograph / V. A. Borodin, D. V. Borodin, I. A. Goloshchapova et al. Barnaul, 2016. 125 p.
14. Conditions for expansion and assessment of the level of regional integration in order to ensure economic security (based on the materials of the Siberian Federal District): monograph / I. N. Sannikova, T. A. Rudakova, O. Y. Rudakova, O. V. Kozhevina, M. M. Butakova, O. N. Sokolova, A. Y. Yudinsev, G. N. Troshkina, S. I. Mezhev, I. N. Dubina, A. R. Makhotina; edited by I. N. Sannikova. Barnaul, 2020. 246 p.
15. Borodin V. A., Gagarina G. Yu. Economic integration of regions as a mechanism of leveling and growth of their potentials // *Federalism*. 2020. No. 2 (98). Pp. 76–91.
16. Gontar N. V. Interregional integration in Russia: Institutes and state-administrative regulation // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2018. Vol. 20, No. 3. Pp. 14–24. DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.3.2.
17. Batueva T. B. Interregional cooperation based on co-competition as a factor of innovative development of the region // *State and municipal administration: scientific notes*. 2017. No. 4. Pp. 80–84.
18. Goryunov A. P., Belousova A. V. Processes of integration and fragmentation of economic space: structure of settlement systems // *Spatial economics*. 2017. No. 4. Pp. 81–89.

19. Yakovleva N. V., Ishunkina E. A. Trends in the development of interregional cooperation of the Chelyabinsk region in the period 2010–2015 // Ecological and geographical problems of Russian regions: Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical conference with international participation dedicated to the 110th anniversary of the birth of the Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Geology and Geography, Dean of the Faculty of Natural Sciences of the Kuibyshev Pedagogical Institute T. A. Alexandrova. Samara, 2017. Pp. 320–327.
20. Tamova B. A. Interregional economic cooperation as a factor of regional strategic development // Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economics. 2015. No. 4 (170). Pp. 130–133.
21. Abdulmanap S. G. interregional economic integration: international experience and prospects of development in the North Caucasus // Bulletin of the Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences. 2012. No. 47. Pp. 127–132.
22. Aganbegyan A. G. Overcoming poverty and reducing inequality in income and consumption in Russia // ЕКО. 2017. No. 9 (519). Pp. 66–84.
23. Grigoriev L. M., Pavlyushina V. A., Brilliantova V. V., Bondarenko K. A. Regional dynamics of incomes and consumer demand of the population in Russia // Spatial economics. 2018. No. 3. Pp. 138–151.
24. Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory / ed. by A. Ya. Trotskovsky. Novosibirsk, 2017. 423 p.
25. Sergienko A. M. Incomes of the population of the agro-industrial region during periods of economic crises // Economics of sustainable development. 2019. No. 4 (40). Pp. 239–246.
26. Migration of rural youth: the Altai Territory is in focus / ed. by A. M. Sergienko. Barnaul, 2019. 325 p.
27. Trotskovsky A. Ya., Suponina I. V., Bykova V. A. Possibilities and limitations of the study of interregional trade as a mechanism of spatial integration // Economic development of the region: management, innovation training: materials of the VIII International Economic Forum. Barnaul, 2021. Pp. 239–243.
28. Chudinovskikh O. S. The current state of migration statistics in Russia: new opportunities and unsolved problems // Questions of Statistics. 2010. No. 6. Pp. 8–16.
29. Mkrтчyan N. Problems in the statistics of internal Russian migration generated by the change in the accounting methodology in 2011 // Demographic Review. 2020. Vol. 7., no. 1. Pp. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.
30. Chudinovskikh O. S. On the revision of the 1998 UN Recommendations on Migration Statistics in the Russian Context // Questions of Statistics. 2019. Vol. 26, no. 8. Pp. 61–76. DOI: 10.34023/2313–6383–2019–26–8–61–76.

Поступила в редакцию: 31.01.2022.

Принята к печати: 15.02.2022.